

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ»

Интенциональность (от лат. *intentio* – стремление) является одним из основных понятий феноменологии, которое восходит к средневековой схоластике, выделявшей предметы психического ряда, которым свойственно ментальное, или интенциональное, бытие. Интенциональность выражает предметную направленность переживаний сознания. Возрождение понятия интенциональности в конце XIX – начале XX в. связано с исследованиями Ф. Brentano и его учеников: Э. Гуссерля, А. Марти, А. Мейнонга, в трудах которых обозначилась тенденция к онтологизации интенциональной структуры сознания.

Подчеркнем, что в психологии нет такого разнообразия теорий интенциональности, как в философии, несмотря на то, что последние имеют психологические корни. Как считает А. Шток, это обусловлено тем, что многие десятилетия царила доктрина бихевиоризма, которая вытесняла такие ментальные акты, как интенции, из спектра психологических исследований [Hoffmann, Stock 2000: 309 – 312; Stock 2004: 16]. В XIX в. психология освободилась от философии, интегрировала естественнонаучные методы познания. Огромный вклад в историю развития понятия интенциональности из философии в психологию внес Ф. Brentano. С его именем связано возрождение понятия «интенциональный характер» сознания. Ф. Brentano рассматривает интенциональность как характерную особенность феноменов психики, которая отличает последние от физических явлений. Он различает два вида интенциональности, которые трактуются как **трансцендентная интенциональность** – отношение между психическими феноменами и непсихическими предметами и как **имманентная интенциональность** – отношение между психическими феноменами. Считая восприятие и опыт единственным источником познания и разграничивая *внешнее и внутреннее* восприятие, Ф. Brentano придает особое значение внутреннему восприятию как обеспечивающему прямой доступ к психическим феноменам [Brentano 1973: 40]. Сущностная характеристика психических феноменов заключается в интенциональном внутреннем существовании (*intentionale Inexistenz*) предмета, которое в свою очередь является отношением к содержанию (*Beziehung auf einen Inhalt*), направленностью на объект (*Richtung auf ein Objekt*), или имманентной предметностью (*immanente Gegenständlichkeit*) [Там же: 24]. Таким образом, Ф. Brentano указывает на то, что переживание, мышление, представление в целом имеют содержание (*Inhalt*), а именно нечто «пережитое, (*Erlebtes*)» «осмысленное, (*Gedachtes*)» «представленное (*Repräsentiertes*)». Представление немислимо без содержания, а содер-

жание в свою очередь не может реально существовать без акта представления. Реальный фундамент представления может существовать в форме объекта рефлексии, но реальным все-таки является лишь сам процесс представления, который поддается описанию, поскольку именно внутреннее восприятие играет главную роль в переживании этого процесса. Суммируя сказанное, можно сделать вывод, что существенным вкладом Ф. Brentano в разработку понятия интенциональности является то, что он подчеркивает особую роль акта человеческого познания в интенциональных переживаниях.

В трудах Э. Гуссерля, который унаследовал понятие и ключевую идею интенциональности у Ф. Brentano, прослеживается более четкое разграничение акта переживания сознания и переживаемого в нем содержания. В отличие от Ф. Brentano, Гуссерль не все переживания считает интенциональными и предлагает четко разделять в интенциональном переживании имманентный сознанию интенциональный акт, ноэзу (способ данности предмета в сознании) и трансцендентный сознанию интенциональный предмет – ноэму. Интенциональный предмет может быть представлен в сознании множеством интенциональных содержаний, но актуально только одним. Интенциональный акт представляет собой способ предметной данности сознанию. По Гуссерлю, мышление следует разумным мотивам, которые предоставляют ему взаимосвязи опыта и принуждены осуществлять известные способы постижения, известные интенциональные конструкции, какие требуются разумом, – осуществлять их для теоретического определения постигаемых в опыте чувственных вещей [Гуссерль 1996: 25]. Интенциональное отношение мыслей и переживаний к предметам характеризуется, прежде всего, тем, что данные предметы в определенной степени присущи мыслям и переживаниям. Таким образом, интенциональность служит имманентной сущностью сознания.

Очевидной заслугой Э. Гуссерля является предпринятое им доказательство того, что языковые знаки связаны с работой мышления, с психическим переживанием. Он различает интенцию как коммуникативное намерение и интенцию придания значения (*Bedeutungsintention*), благодаря которой данный предмет связан с языковым выражением того, что он означает. Среди основных концепций интенциональности, представленных в трудах зарубежных исследователей, можно выделить **натуралистическую концепцию** (*Willard van Orman Quine, Paul Churchland*), сторонники которой считают научно непригодным интенциональный вокабуляр и априори не исключают, что все живые существа или даже артефакты обладают интенциональностью. Для представителей этого направления важно не описание интенциональной структуры, а объяснение осуществления интенциональности. Приверженцы **реалистической теории интенцио-**

нальности (*Fred Dretske, Hartry Field, Jerry Fodor*), напротив, пытаются показать, что высказывания с интенциональным вокабуляром являются настоящими фактическими утверждениями. Основная идея **инструменталистской концепции** (*Daniel Dennet*) заключается в том, что высказывания, в которых встречаются интенциональные понятия, являются частью стратегии объяснения, цель которой – посредством приписывания желаний и убеждений сделать поведение индивидов рационально понятными и тем самым прогнозируемым. Высказывания, в которых появляются интенциональные понятия, не рассматривают или рассматривают только с ограничениями в качестве действительных фактических утверждений. Живое существо обладает интенциональными состояниями только тогда, когда его поведение может быть предсказано с помощью интенциональной установки. В этом смысле человек представляет собой более сложную (по сравнению с другими живыми существами) **интенциональную систему**, поведение которой можно объяснить и прогнозировать, приписывая ей мысли. Данная способность объяснения и прогнозирования приобретает человеком в онто- и филогенезе. Проводя аналогию между речевыми актами и интенциональными состояниями как прием экспозиции для объяснения интенциональности, Дж. Серль подчеркивает, что интенциональность не является языковой сущностью, поскольку язык произведен от интенциональности, а не наоборот [Searle 1982; Searle 1983; Серл 2002]. Именно в силу присущей ему интенциональности человек может осуществлять действия, в том числе и коммуникативные.

Тенденция к рассмотрению интенциональности в качестве центрального базового понятия в теории человеческой деятельности имеет место в некоторых областях лингвистических исследований, особенно в рамках когнитивного направления, а также в лингвистической философии. Некоторые ученые выступают против централизации понятия интенциональности в языковом поведении, аргументируя свою позицию примерами, которые в определенной степени могут поставить под сомнение очевидность того факта, что интенциональность есть неотъемлемый компонент речевого поведения человека, носителя языка как представителя определенного социума. Одним из наиболее ярких представителей данного направления является Дж. Дюбуа, который приводит примеры того, как в «традиционных» культурах осуществляются ритуалы предсказания, включающие высказывания, обращенные предсказателями к богам и духам предков. По мнению Дж. Дюбуа, такого рода речевые действия, хотя и имеют определенное значение, но не содержат интенциональность со стороны предсказателя, поскольку обращены не к конкретной личности, присутствующей на ритуале, а к духам [Du Bois 1987: 97].

Из сказанного можно заключить, что понятия «личность» и

«интенциональность» онтологически предполагают друг друга, хотя и не являются идентичными понятиями. Данная точка зрения представляется адекватной существующему положению вещей, так как интенциональность – одна из главных характеристик личности. Только человек, как личность, как познающий субъект и носитель языка, способен осуществлять в рамках определенной культуры интенциональные действия, в том числе и коммуникативные. Концептуально же вышеназванные понятия не являются взаимосвязанными и могут быть разграничены в этом смысле, что, в частности, можно наблюдать в традиционных культурах по отношению к ритуальным высказываниям. Интенции здесь намеренно не связываются с личностью, поскольку социальный контекст коммуникативного взаимодействия способствует такому своеобразному разделению. Более того, такое разделение происходит намеренно. Следовательно, интенциональность играет важную роль в соотношении таких категорий, как ИНДИВИДУАЛЬНОЕ и СОЦИАЛЬНОЕ, в языковой деятельности личности.

ЛИТЕРАТУРА

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии // Язык и интеллект. М., 1996. С. 14 – 94.

Прехтль П. Введение в феноменологию Гуссерля. Томск, 1999.

Серл Дж. Открывая сознание заново. М., 2002.

Du Bois J. Meaning without Intention // Papers in Pragmatics. 1/2. 1987. P. 80 – 122.

Brentano F. Psychologie vom empirischen Standpunkt. Band 1. Hamburg, 1973.

Hoffmann J., Stock A. Intention als psychischer Prozess: Eine Suche nach Spuren in der allgmeinpsychologischen Forschung // Zeitschrift für Psychologie 208 (2000). Göttingen., 2000. S. 304 – 321.

Searle J.R. Ausdruck und Bedeutung. Untersuchungen zur Sprechakttheorie. Frankfurt am Main., 1982.

Searle J.R. Intentionality. An essay in the philosophy of mind. Cambridge., 1983.

Stock A. Intentionalität und Ideo-Motorik. Eine handlungstheoretisch – psychologische Synthese. Pabst Science Publishers. Lengerich, Berlin, Bremen, Miami, Riga, Viernheim, Wien, Zagreb, 2004.